

Гершензонъ

(Изъ воспоминаній).

Однажды, еще въ раннюю пору нашего знакомства, зимнею ночью, въ Москвѣ, провожая меня черезъ садикъ, чтобы запереть за мною калитку, Гершензонъ пошутилъ :

— Вотъ какой вы народъ, поэты : мы о васъ пишемъ, а нѣтъ того, чтобы кто - нибудь написалъ стихи объ насъ, объ историкахъ.

— Подождите, Михайль Осиповичъ, вотъ я напишу о васъ.

Онъ усмѣхнулся въ усы :

— Не напишете. Ну, покойной ночи.

— Покойной ночи.

Я потомъ всегда помнилъ свое обѣщаніе, не разъ брался и за стихи, — да такъ и не написалъ ихъ : все казалось мнѣ слабо и недостойно его.

Но все - таки мнѣ пріятно, что слѣдъ нашихъ встрѣчъ остался въ моихъ стихахъ. Въ « Путемъ зерна » есть у меня стихотвореніе « 2 - го ноября ». Рѣчь идетъ о томъ днѣ, когда, послѣ октябрьскаго переворота, люди въ Москвѣ впервые

Повыползли изъ каменныхъ подваловъ
На улицы.

Дальше — рассказано вкратцѣ, какъ я ходилъ къ Михаилу Осиповичу :

Къ моимъ друзьямъ въ тотъ день пошелъ и я.
Узналъ, что живы, цѣлы, дѣти дома, —
Чего жъ еще хотѣть ? Побрелъ домой.

Книжка вышла еще въ 1920 г., и Гершензонъ тогда же читалъ ее, но объ этихъ стихахъ у насъ разговоръ не было. Только въ 1922 г., посылая ему изъ Петербурга 2 - е изданіе, дополненное, я внутри, на поляхъ, противъ приведенныхъ строкъ, приписалъ : « Это про Васъ ». Я рассчитывала на то, что книгу, не-

давно читанную, онъ сейчасъ перечитывать не станетъ, а приписку мою увидеть, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я, вѣроятно, буду далеко отъ него. Такъ и вышло. 23 октября 1924 г. онъ писалъ мнѣ : « Не знаю, гдѣ вы теперь . . . Сизку дома, хожу по комнатамъ, читаю, — сегодня читалъ Ваше « Путемъ зерна ».

Вѣроятно, онъ взялъ именно второе изданіе, прочелъ, увидѣлъ мою приписку — и захотѣлъ написать мнѣ. Это было послѣднее изъ его писемъ. Посланное въ Ирландію, оно попало ко мнѣ въ Италію только въ самые послѣдніе дни 1924 г. Я отвѣтилъ на него спустя нѣсколько дней, — но самъ уже не получалъ отвѣта : Гершензонъ умиралъ.

**
*

Лѣтомъ 1915 года я послалъ Гершензону отгисскъ статьи о петербургскихъ повѣстяхъ Пушкина. Письмо, полученное въ отвѣтъ, удивило меня простотою и задушевностью. Я не былъ лично знакомъ съ Михаиломъ Осиповичемъ, и хотя высоко цѣнилъ его, — все же не представлялъ себѣ Гершензона иначе, какъ въ озареніи самодовольнаго величія, по которому за версту познаются « солидные ученые ». Я даже и вообще - то не думалъ, что столь важная особа снизойдетъ до переписки съ авторомъ *единственной* статьи о Пушкинѣ. Словомъ, я былъ удивленъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Однако, пріѣхавшій вскорѣ Б. А. Садовской пришелъ ко мнѣ какъ - то вечеромъ и сказалъ :

— Пойдемте завтра къ Гершензону. Онъ васъ зоветъ.

Арбатъ, Никольскій переулокъ, 13. Деревянный заборъ, поросшій травой дворъ. Во дворъ направо — сторожка, налѣво еще какое - то старое зданіе. Каменная дорожка ведетъ въ глубь двора, къ двухэтажному дому новой постройки. За домомъ садъ съ небольшимъ огородомъ. Второй этажъ занимаетъ Гершензонъ, точнѣе — семья его. Небольшая столовая служить и для « пріемовъ ». А самъ онъ живетъ еще выше, въ мезонинѣ, котораго со двора не видно.

Хоть и ободренный письмомъ и зовомъ (черезъ Садовского) — все же впервые пришелъ я сюда не безъ робости. Но робость прошла въ тотъ же вечеръ, а потомъ уже цѣлыхъ семь лѣтъ, до послѣдняго дня предъ отбѣздомъ моимъ изъ Россіи, ходилъ я сюда съ увѣренностью въ хорошемъ пріемѣ, ходилъ подѣлиться житейскими заботами, и новыми стихами, и задуманными работами, и, кажется, всѣми огорченіями и всѣми радостями, — хоть радостей - то, пожалуй, было не такъ ужъ много.

**

Маленькій часто откидывающій голову назадъ, густобровый съ черной бородкой, посѣдѣвшей сильно въ послѣдніе годы ; съ такими же усами, нависающими на нухлый ротъ ; съ глазами слегка на выкатѣ ; съ мясистымъ, чуть горбоватымъ носомъ, прищемленнымъ ясеню ; съ волосатыми руками, съ выпуклыми колѣнями, — наружностью былъ онъ типичный еврей. Много жестукировалъ. Говорилъ быстро, почти всегда возбужденно. Рѣчь, очень ясная по существу, казалась косноязычной, не будучи такою въ дѣйствительности. Это происходило отъ глухого голоса, отъ плохой дикціи и отъ очень страннаго акцента, въ которомъ рѣзко-еврейскія интонаціи кишиневскаго уроженца сочетались съ неизвѣстно откуда взявшимся оканьемъ заправскаго волгара.

Комната, гдѣ онъ жилъ, большая, квадратная, въ три окна, содержала не много мебели. Двѣ невысокія (человѣку до пояса) книжныя полки ; два стола : одинъ — вродѣ обѣденнаго, но не большой, другой — письменный, совсѣмъ маленький ; низкая, плоская кровать у стѣны, съ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ и единственною подушкой ; вотъ и все, кажется, если не считать двухъ вѣнскихъ стульевъ да кожанаго, съ высокою спинкой, стариннаго кресла. Въ это кресло (лѣвая ручка всегда отскакиваетъ, расклеилась) Гершензонъ усаживаетъ гостя. Оно — историческое, изъ кабинета Чаадаева.

Стѣны бѣлыя, гладкія, почти пустыя. Только тропянинекій Пушкинъ (фототипія) да гипсовая маска, тоже Пушкина. Кажется, еще чей-то портретъ, можетъ быть — Огарева, не помню. Въ кабинетѣ свѣтло, просторно и очень чисто. Немного похоже на санаторій. Нѣтъ никакой карочитости, но все какъ то само собой сведено къ простѣйшимъ предметамъ и линиямъ. Даже книги — только самыя необходимыя для текущей работы ; прочія — въ другой комнатѣ. Здѣсь живетъ человѣкъ, не любящій лишняго.

**

Кончая гимназію, Гершензонъ мечталъ о филологическомъ факультетѣ, — но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ, да и позже, для филолога было два пути : либо учительство, либо, въ лучшемъ случаѣ, профессорство, иначе говоря — служба по министерству народнаго просвѣщенія,

для еврея неизбежно связанная съ крещеніемъ. Старикъ - Гершензонъ былъ въ ужасѣ. Михаила Осиповича отправили въ Германію, гдѣ онъ поступилъ въ какое - то специальное высшее учебное заведеніе, по технической или по инженерной части. Тамъ пробылъ онъ, кажется, года два — и не вынесъ : послалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія о зачисленіи на филологическій факультетъ Московскаго Университета вольнослушателемъ. Потому вольнослушателемъ, что въ число студентовъ попасть не мечтали : подъ процентную норму подходили лишь тѣ, кто кончалъ гимназію съ золотой медалью ; у Гершензона медали не было. Но тутъ произошло кѣто почти чудесное : изъ министерства полученъ отвѣтъ, что Гершензонъ зачисленъ не вольнослушателемъ, а прямо студентомъ. Причина была простая : на филологическій факультетъ евреи не шли, и прошеніе Михаила Осиповича было въ тотъ годъ единственное, поступившее отъ еврея : онъ тѣмъ самымъ автоматически подошелъ подъ норму. Однако, эта удача обернулась для Гершензона бѣдой : отецъ, вообще недовольный упрямствомъ Михаила Осиповича, никакъ не повѣрилъ въ « чудо » и рѣшилъ, что Михаилъ Осиповичъ *уже крестился*. Кончилось дѣло если не родительскимъ проклятіемъ, то во всякомъ случаѣ — полнымъ отказомъ въ деньгахъ. Только мать наскребла на дорогу отъ Кивинаева до Москвы. На московскіе стоны Гершензонъ ступилъ почти безъ копѣйки денегъ. Впрочемъ, какіе-то знакомые устроили ему урокъ. Но тутъ — снова бѣда : дисциплина была въ тѣ времена не шуточная, и студентъ обязанъ былъ имѣть форму, а въ иныхъ случаяхъ являться и при шпагѣ. Добрые люди нашлись опять : дали Гершензону старый студенческой куртукъ, который сидѣлъ мѣшкомъ, и даже пшугу, и даже . . . за неимѣніемъ форменнаго пальто, ему дали николаевскую шинель ! Николаевскую шинель, свѣтло - сѣрую, съ бобровымъ воротникомъ и съ пелериной, доходившей ему чуть не до колѣнъ ! Она была ему такъ непомѣрно велика, что

— вы понимаете, обѣ полы мнѣ приходилось все время носить въ рукахъ !

Такъ началась ученая карьера Гершензона и его бѣдность.

**

Тыча себѣ тремя пальцами куда - то « подъ ложечку », туда, гдѣ въ петлю потертой жилетки продѣта часовая цѣпочка, Гершензонъ говорить :

— Я разстраиваюсь и волнуюсь только нутромъ, до сихъ поръ : а выше всегда спокоенъ и ясенъ.

Житейскія тревоги часто доходили ему «подъ табакъ». Но до ума и сердца онъ умѣлъ ихъ не допускать. Онъ его не ожесточали, не омрачали, не мутили прекрасной чистоты его духа.

Это, однако жъ, не переходило ни въ беззаботность, ни въ то варварское презрѣніе къ житейскимъ удобствамъ, которымъ такъ любятъ у насъ щеголять иные изъ косматыхъ «людей мысли». Не притворялся и безсеребренникомъ. Напротивъ, умѣлъ онъ быть бережливымъ, хозяйливымъ, домовитымъ, любилъ обстоятельно поговорить о гонорарѣ. Даже звалъ себя «въ этомъ дѣлѣ максималистомъ». Книжная лавка писателей стономъ стонала, когда, въ 1919 г., вздумалъ онъ продать ей лишнія книги изъ своей библиотеки.

Въ тяжкіе годы революціи онъ занимался «полезными изобрѣтеніями». Додумался, напримѣръ, до того, что, выкуривъ папиросу, не выбрасывалъ окурка, а осторожно стаскивалъ съ мушкетерскаго трубочку папиросной бумаги, вновь набивалъ ее табакомъ и такимъ образомъ заставлялъ одну гильзу служить два раза. Путемъ упражненія довелъ технику этого дѣла до высокаго совершенства. Потомъ изобрѣлъ онъ ящикъ, изнутри обитый газетной бумагой и плотно закупоривающійся: ежели въ этотъ ящикъ вставить кипящую кашу, она въ немъ доидетъ и распарится сама по себѣ, безъ дровъ. Можно и супъ.

Дѣло прошлое: знаю навѣрное, что Гершензонъ съ женой, Маріей Борисовной, тайкомъ отъ дѣтей, иногда дѣлами сутками *ничего* не ѣли, питаясь пустымъ чаемъ и оставляя для дѣтей все, что было въ домѣ. И вотъ, голодая, проставная на морозѣ въ очередяхъ, коля дрова и таская ихъ по лѣстницѣ, — не притворялся онъ, будто все это ему ницочемъ, но и не разыгрывалъ мученика: былъ просто, серьезенъ, но — ясенъ. Скинетъ вязанку съ плечь, отряхнется, отдышится, а потомъ вдругъ — такъ весело поглядитъ — и сразу заговоритъ о важномъ, нужномъ, большомъ, что надумалъ, тащась куда-нибудь въ Кремль, хлопотать за арестованнаго писателя.

**

Какъ-то такъ складывалось, что намъ доводилось часто ходить вмѣстѣ по городу. Для меня это было сущимъ мученіемъ. На улицѣ я хорошо примѣчаю все, что случается, — но дурѣю; кажется, во всю жизнь ни одной путной мысли не пришло мнѣ въ голову на ходу. Съ Гершензономъ было обратное. Чуть на улицу — тутъ-то и начинается онъ либо философствовать, либо сличать пушкинскіе варианты, — а я ничего не понимаю и отвѣ-

чаю невпопадъ. За то Гершензонъ номинутно стремится то понапрасну перебѣжать улицу, норовя попасть подъ ломовика — съ цитатой изъ Платона на устахъ, то свернуть въ переулокъ, который насъ уведетъ въ сторону, противоположную той, куда мы направляемся.

Онъ былъ близорукъ, страдалъ чѣмъ-то вродѣ куриной слѣпоты, не умѣлъ ориентироваться и не зналъ Москвы до странности. Весною семнадцатаго года мы съ нимъ однажды отправились въ Художественный театръ на собраніе писателей. До Страстного монастыря, я довезъ его на трамваѣ. Потомъ стали пѣшкомъ спускаться къ Камергерскому переулку. Потомъ стали ко еще наступать. Магазины сіяли. По троттуарамъ сплошной стѣной шель народъ, — главнымъ образомъ, отпускные офицеры, солдаты, познавшие сладость коммерціи, проститутки. Гершензона чуть не сбивали съ ногъ, а онъ былъ потрясенъ. И вдругъ остановился :

— Послушайте, это что за улица ?

— Михайль Осиповичъ, что съ вами ? Да вѣдь это Тверская.

— Тверская ? Ага ! Фу-ты, какая здѣсь роскошь, однако !

Его понятія о « роскоши » были своеобразны. Вполнѣ зная толкъ въ необходимомъ и умѣя цѣнить его, онъ былъ дѣтеки простодушенъ во всемъ, что хоть сколько-нибудь напоминало объ излишествѣ. Въ 1920 г. мы жили въ одномъ санаторіи. Я каждый день ходилъ въ коричневомъ шелковомъ галстукѣ, который давно уже былъ выброшенъ моимъ братомъ, а мною прожженъ махоркою. Но — на немъ были какіе-то разводы. Гершензонъ не забывалъ каждый день потрогать мой галстукъ, приговаривая :

— Фу-ты, какой онъ франтъ !

Однажды онъ вздумалъ намъ съ Маріей Борисовной описать « роскошное » платье одной московской меценатки. Мы не могли удержаться и покатывались со смѣху, слушая модныя наблюденія Михаила Осиповича : выходило, что дама одѣта была въ какихъ-то однихъ только « позументахъ » и « декольте ».

Лѣтомъ 1923 г., въ Берлинѣ, въ очень жаркое утро, пришлось ему много бѣгать по разнымъ полицейскимъ учрежденіямъ. Онъ вернулся, задыхался и обливаясь потомъ :

— Вы знаете, до чего дошло ? До того дошло, что я было вздумалъ зайти въ какое-нибудь ихнее кафе, выпить стаканъ кофе. Но послѣ одумался : вѣдь отецъ семейства !..

Это было сказано безъ малѣйшей ироніи, совершенно серьезно.

Минувъ аскедоты, я думаю, что въ его самоограниченіи былъ подлинный аскетизмъ.

**
*

Тѣ, кто прожилъ въ Москвѣ самые трудные годы, — восемнадцатый, девятнадцатый и двадцатый, — никогда не забудутъ, какимъ хорошимъ товарищемъ оказался Гершензонъ. Именно ему первому пришла идея Союза Писателей, который такъ облегчилъ тогда нашу жизнь и безъ котораго, думаю, многие писатели просто препали бы. Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ изъ организаторовъ Союза и первымъ его председателемъ. Но, поставивъ Союзъ на ноги и пожертвовавъ этому дѣлу огромное количество времени, труда и нервовъ, — онъ сложилъ съ себя председательство и остался рядовымъ членомъ Союза. И все-таки въ самыя трудныя минуты Союзъ шелъ все къ нему же — за совѣтомъ и помощью.

Не только въ общахъ дѣлахъ, но и въ частныхъ случаяхъ Гершензонъ умѣлъ и любилъ быть подмогою. Многие обязаны ему многимъ. Онъ умѣлъ угадывать чужую бѣду — и не на словахъ, а на дѣлѣ слѣпшилъ помочь. Скажу о себѣ, что если бъ не Гершензонъ — плохо мнѣ было бы въ 1916 — 1918 г. г., когда я тяжело хворалъ. Гершензонъ добывалъ для меня работу и деньги: Гершензонъ, а не кто другой, хлопоталъ по моимъ дѣламъ, когда я уѣхалъ въ Крымъ. А ужъ о душевной поддержкѣ — и говорить нечего. Но все это дѣлалось съ изумительной простотой, безъ всякой позы и сентиментальности. Его внимательность и чуткость были почти чудесны. Я, къ сожалѣнію, сейчасъ не могу подробно описать одинъ случай, когда Гершензонъ выказалъ лукавую и веселую проницательность, граничащую съ яснovidіемъ.

Доброта не дѣлала его ни прѣснымъ, ни мягкотѣлымъ. Былъ онъ кипучъ, норывистъ и любилъ правду, всю, полностью, какова бы она ни была. Онъ говорилъ все, что думалъ, — прямо въ глаза. Никогда не былъ грубъ и обиденъ, — но и не сглаживалъ угловъ, не золотилъ щилую.

— Начистоту! — покрякивалъ онъ, — начистоту!

Это было одно изъ его любимыхъ словъ. И во всѣхъ поступкахъ Гершензона, и въ его домѣ, и въ его отношеніи къ дѣтямъ, — была эта чистота правды.

*
**

При всей добротѣ, не былъ онъ слѣпъ. Въ людяхъ тщательно разбирался, и, не будучи по природѣ обидчикомъ, — просто проходилъ мимо тѣхъ, кто ему не нравился. Въ каждомъ старался онъ найти хорошее, но если не находилъ — вычеркивалъ человека изъ своего обихода.

При случаѣ умѣлъ сказать зло и мѣтко. Объ одномъ растопномъ и разностороннемъ литераторѣ сказалъ :

— Онъ похожъ на магазинъ съ вывѣской : « любой предметъ — пятьдесятъ копѣекъ на выборъ ».

Однажды я высказалъ удивленіе : зачѣмъ Z, что бы ни писалъ — поминаетъ про свою ссылку въ Сибирь ?

— Ну, какъ же вы не понимаете ? — сказалъ Гершензонъ : — Это же его орденъ ; орденъ пришить къ мундиру и самъ собой надѣвается вмѣстѣ съ мундиромъ.

Иногда онъ проявлялъ даже рѣзкую нетерпимость. Мы какъ-то ѣхали въ трамваѣ съ Дѣвичьяго Поля къ Арбатскимъ Воротамъ. У Смоленскаго рынка въ вагонѣ вошелъ почтеннѣйшій господинъ, поздоровался съ Гершензономъ и завелъ разговоръ. Гершензонъ отвѣчалъ, поглядывая въ окно. Вдругъ, въ началѣ Арбата, онъ кинулся къ выходу. Я его сталъ удерживать :

— Куда вы ? Намъ еще двѣ остановки.

— Нѣтъ, намъ слѣзать !

И, не слушая меня, выскочилъ изъ вагона. На троттуарѣ онъ на меня накинудся :

— Зачѣмъ вы меня удерживали ? Что жъ, вы хотѣли, чтобы я съ нимъ еще разговаривалъ ? Нѣтъ, ужъ лучше дойдемъ пѣшкомъ.

— Да кто это ?

— Профессоръ Р. : самый надутый дуракъ, какого я знаю.

Не вынося глупости, ханжества, доктринерства, даже на нихъ обижался, — онъ былъ незлобивъ на обиды, нанесенныя ему лично. Однажды С. П. Бобровъ прислалъ ему свою книжку : « Новое о стихосложеніи Пушкина ». Книжка, однако жъ, была завернута въ померъ не то « Земщины », не то « Русской Земли » — съ погромной антисемитской статьей того же автора. Статья была тщательно обведена краснымъ карандашомъ. Рассказывая объ этомъ, Гершензонъ смѣялся, а говоря о Бобровѣ всегда прибавлялъ :

— А все-таки человекъ онъ умный.

**

*

Еще въ началѣ знакомства онъ вдругъ спросилъ :

— У васъ хорошій характеръ ?

— Не важный.

— Ну, значитъ, скоро поссоримся : у меня ужасный характеръ. Вотъ вы увидите.

Слава Богу, мы не поссорились. « Ужаснаго » въ его характерѣ оказалось одно : упрямство. Въ общемъ онъ умѣлъ слушать возраженія и умѣлъ иногда соглашаться съ ними. Но часто бывало иначе : онъ вдругъ безнадежно махалъ рукой и воскликнувъ : « Богъ знаетъ, что вы говорите ! » — рѣзко переходилъ на другую тему.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ и тонкихъ цѣнителей стиховъ, какіе мнѣ встрѣчались. Но и здѣсь были у него два « пунктика », противъ которыхъ не помогало ничто : во - первыхъ, онъ утверждалъ, что качество первой строчки всегда опредѣляетъ качество всего стихотворенія ; во - вторыхъ, считалъ по чему - то, что если въ четырехстрочной строфѣ первый стихъ рифмуется съ четвертымъ, а второй съ третьимъ, то это — пошлость. И соглашался покривить душой и помириться на компромиссъ : безвкусна. Но Гершензонъ настаивалъ на пошлости. Такъ и не сговорились.

Дважды мнѣ довелось дѣлать съ нимъ общую работу ; иной разъ и тутъ приходилось сдаваться не только передъ его знаніемъ и опытностью, но и передъ упрямствомъ. Однако жъ, надобно отдать справедливость : въ тѣхъ случаяхъ, когда уступать приходилось ему, — онъ не хмурился и не дулся. Была высокая честность въ его мысли : признавая свою ошибку, онъ всякій разъ даже какъ будто радовался, что найденъ путь, болѣе вѣрный.

Впрочемъ, его упрямство отчасти вытекало изъ его подхода къ работѣ. Въ свои историко - литературныя изслѣдованія вводилъ онъ не только творческое, но даже интуитивное начало. Изученіе фактовъ, мнѣ кажется, представлялось ему болѣе средствомъ для *прозѣрки догадокъ*, нежели добываніемъ матеріала для выводовъ. Не рѣдко это вело его къ ошибкамъ. Его « Мудрость Пушкина » оказалась въ извѣстной мѣрѣ « мудростью Гершензона ». Но — во - первыхъ, это все - таки « мудрость », а во - вторыхъ — то, что Гершензонъ угадалъ вѣрно, могло быть угадано только имъ и только его путемъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ ошибки Гершензона цѣннѣе и глубже правды, извлекаемыхъ до-

бросовѣстными бездарностями. Онъ угадалъ въ Пушкинѣ многое, « что и не снилось нашимъ мудрецамъ ». Но, конечно, бывали у насъ и такіе, примѣрно, діалоги :

Я. Михаилъ Осиповичъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Это не такъ.

Гершензонъ. А я знаю, что это такъ !

Я. Да вѣдь самъ Пушкинъ . . .

Гершензонъ. Что жъ, что самъ Пушкинъ ? Можетъ быть, я о немъ знаю больше, чѣмъ онъ самъ. Я знаю, что онъ хотѣлъ сказать, и что хотѣлъ скрыть, — и еще то, что выговаривалъ, самъ не понимая, какъ шепѣя.

Къ тѣмъ, кого онъ изучалъ, было у него совсѣмъ особое отношеніе. Странно и увлекательно было слушать его рассказы объ Огаревѣ, Печеринѣ, Герценѣ. Казалось, онъ говоритъ о личныхъ знакомыхъ. Онъ « чувствовалъ » умершихъ, какъ живыхъ. Однажды, на какое-то мое толкованіе стиховъ Дельвига, онъ возразилъ :

— Нѣтъ, у Дельвига эти слова означаютъ другое : вѣдь онъ былъ толстый, одуловатый . . .

**

Онъ терпѣть не могъ, чтобъ его называли критикомъ. « Я историкъ, а не критикъ », поправлялъ онъ. Однако, избѣгая печатно высказываться о новой литературѣ, онъ слѣдилъ за ней очень зорко. Изъ современныхъ русскихъ писателей особенно восхищался Андреемъ Бѣлымъ ; Вячеславъ Ивановъ, Сологубъ, Блокъ были его любимыми поэтами ; очень высоко ставилъ и лично любилъ А. М. Ремизова, любовно говорилъ о талантѣ Алексѣя Толстого. Не любя стиховъ Брюсова, уважалъ его, какъ историка литературы. Въ общемъ же былъ широкъ и старался найти хорошее даже въ писателяхъ, внутренне ему чуждыхъ.

За девять лѣтъ нашего знакомства я привыкъ читать или посылать ему почти всѣ свои стихи. Его критика всегда была доброжелательна — и безпощадна. Рѣзко, « начистоту » высказывалъ онъ свои мнѣнія. Съ ними я не всегда соглашался, но многими самыми мѣткими словами о моихъ писаніяхъ я обязанъ ему. Никто не бранилъ меня такъ сурово, какъ онъ, но и ничѣй похвалой я не дорожилъ такъ, какъ похвалой Гершензона. Ибо зналъ, что и брань, и похвалы идутъ отъ самаго, можетъ быть, чистаго сердца, какое мнѣ доводилось встрѣчать.

Перечитывая написанное, вижу, что образъ Гершензона вышелъ у меня не столь отчетливымъ, какъ хотѣлось бы. Но — что

дѣлать! Впрочемъ, главная моя цѣль, быть можетъ, достигнута. Иногда хочется просто пожаловаться на судьбу. Такъ и сейчасъ: хотѣлось сказать, что вотъ — нѣтъ уже Гершензона.

Хворалъ онъ давно, но умеръ отъ внезапнаго и рѣзкаго ухудшенія. Страданія были сильныя. Онъ зналъ, что умираетъ, но конецъ наступилъ такъ быстро, что онъ не успѣлъ проститься съ близкими. Похоронили его на скромномъ Ваганьковскомъ кладбищѣ. На его могилѣ можно бы написать слова изъ Посланія Пушкина къ Чаадаеву:

Всегда мудрецъ, а иногда мечтатель.

**
*

Мнѣ хочется сохранить здѣсь какъ бы голосъ его, и я рѣшаюсь прибавить къ этимъ замѣткамъ его письма ко мнѣ. Къ сожалѣнію, писемъ за 1915 — 1920 г. у меня нѣтъ подъ рукою. Изъ помѣщаемыхъ здѣсь, I — III относятся къ тому времени, когда Гершензонъ жилъ въ Москвѣ, а я въ Петербургѣ; IV — X писаны изъ санаторія въ Баденвейлерѣ, гдѣ Михайлъ Осиповичъ прожилъ съ октября 1922 по 31 іюля 1923 года; я въ то время жилъ подѣ Берлиномъ; послѣднія два письма, XI и XII, написаны уже вновь изъ Россіи.

Въ письмахъ пришлось, по условіямъ времени, сдѣлать нѣболышія сокращенія, отмѣченные знакомъ (...), и замѣнить буквами нѣкоторые собственные имена. Необходимыя примѣчанія сдѣланы мною петитомъ внизу страницы.

Владиславъ Ходасевичъ.

Сорренто,
12 апрѣля 1925.

Письма М. О. Гершензона

I.

Москва, 28 Мая 1921 г.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Спасибо за письмо. А то письмо я вѣдь получилъ, и не отвѣчалъ на него. Тогда же, дня черезъ 2-3, я видѣлъ X. и сказалъ ему вашу просьбу, на что онъ отвѣтилъ, что уже поздно, что онъ наводилъ справку по вашей просьбѣ, но узналъ, что вашъ паекъ уже переданъ кому-то. И опять скоро послѣ того я передалъ вамъ — не помню, черезъ кого, вѣхавшаго въ Петербургъ, этотъ отвѣтъ. Самъ же не писалъ, потому что у насъ были дифтериты въ домѣ, и долго, дѣти болѣли.

Отчасти по этому дѣлу, отчасти по недостатку дровъ зима была трудная, а съ тепломъ стало лучше. Я порядочно много писалъ, листовъ 5 вѣрно, все отвлеченности. Изъ Лито давно ушелъ, дома сижу. Вышелъ 6-й томъ Прописей, еще — Видѣніе поэта, а Тургеневъ еще не сброшюрованъ. Вижу только тѣхъ, кто ко мнѣ приходитъ. Живемъ впроголодь, потому что заработковъ нѣтъ, я и лекцій не читаю, — одинъ паекъ; только теперь получили мартовскій, т. е. за пять мѣсяцевъ этого года — три, и по городскимъ карточкамъ хлѣба не даютъ. Я персонально обижаясь на начальство, и вы тоже можете. Одна надежда — на потомство, авось оно воздастъ намъ славою то, что здѣсь не додано намъ провизіей.

Стихи ваши прочитаю съ удовольствіемъ, а критики не напишу. Замучила меня критика; въ серединѣ зимы я объявилъ, что больше не буду разбирать никакихъ стиховъ, и съ тѣхъ поръ твердь — какъ скала. Какъ приносятъ мнѣ стихи, я благодарю, говорю, что непременно прочитаю, потому что люблю стихи, но сужденія не произнесу. (. . . .). Какъ пріѣдете, привезите чего-нибудь петербургскаго почитать; у васъ тамъ и журналы выходятъ, здѣсь ихъ не видать. Петербургъ вамъ вновь пріятель, какъ любовница; погодите, еще вспомните законную жену — Москву (. . . .).

Жму вашу руку и остаюсь

преданный вамъ

М. Гершензонъ.

II.

Москва, 11 Августа 1921 г.

Милый Владислав Фелициановичъ,

На этотъ разъ отвѣчаю съ опозданіемъ — простите. Слышу отъ Эфроса, что вы на дняхъ будете здѣсь ; пожалуй письмо Вася не застанетъ. Блокъ умеръ ! Мнѣ было очень жаль. Я думалъ о его жизни — кажется, безрадостной жизни ; онъ былъ какъ надломанный тростникъ. Въ Россіи до сихъ поръ не могло быть радостной, бодрой и ясной жизни даже во-внѣ, а Блокъ былъ еще и внутри отравленъ русской мглою, и оттого вдвойнѣ боленъ. И еще жаль всѣхъ за него, потому что, каковъ онъ былъ, онъ написалъ бы еще немало соловьиныхъ поэмъ и пѣсень. Радъ я за васъ, что вы хоть день-другой чувствуете себя хорошо и даже снова пишете стихи. Ваше стихотвореніе я вполнѣ понялъ ; но какъ странно ! въ тѣ же дни, или немного раньше, я писалъ — не « сквозь день увидишь ночь » ¹⁾ а какъ разъ обратное : « имѣй глаза — сквозь ночь увидишь день ». Въ началѣ іюля я заболѣлъ дизентеріей, пролежалъ 8 дней ; и тутъ-то, лежа, написалъ афоризмы, въ томъ числѣ упомянутый ; они набираются теперь для « Записокъ мечтателей » ²⁾. Я говорю тамъ : какъ глазъ, мигая, ежеминутно погружается въ тьму, такъ вѣчный свѣтъ мигаетъ ежедневною ночью, и такъ, можетъ быть, вѣчная жизнь мигаетъ индивидуальной смертью. — Да, такъ я болѣлъ и потомъ ослабѣлъ отъ болѣзни до крайности, но духомъ былъ цѣлъ и даже свѣтелъ. Я и всегда двойной : внутри покой, снаружи нервность и скорая рѣчь ; и когда мрачно настроенъ — внутри покойно-углубленъ.

Ну, вотъ : писалъ вамъ вчера, тутъ пришелъ для знакомства петербургскій санскритологъ и философъ Тубянской (рекомендую : интересный человекъ), и обѣдали, и долго разговаривали ; потомъ пришелъ одинъ бывшій мой слушатель и читалъ вслухъ свою статью, а я покорно слушалъ, стараясь не критиковать ; а потомъ былъ утомленъ. А теперь мнѣ надо уходить — это я пишу уже на другой день, — и потому кончаю. Ежели вы правда скоро придете, то поговорить лучше, чѣмъ писать монологъ. При-

¹⁾ Передъ тѣмъ я послалъ М. О. стихотвореніе «Ласточки». Оно начинается такъ : «Имѣй глаза — сквозь день увидишь ночь»...

²⁾ Напечатаны въ V книгѣ, случайно — вмѣстѣ съ «Ласточками».

везите мнѣ послѣдніе нумера литературныхъ журналовъ, которые издаются у васъ всякими Домами — искусствъ, литераторовъ и т. д. Мы ихъ здѣсь никогда не видимъ. (. . .).

Вашъ

М. Гершензонъ.

III.

Москва, 6 Ноября 1921 г.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Ваше письмо я получила, благодарю Васъ. Мнѣ было 1) жаль, что я больше не видѣла Васъ, 2) и жаль, что не слышала Вашихъ стиховъ, и 3) обидно мнѣ было вотъ что : когда Вы днемъ были у меня, я сидѣла очень утомленная и пасмурная : писалъ все время до обѣда, и забрелъ въ дебри, гдѣ подъ конецъ потерялъ свѣтъ, — такъ и сошелъ къ обѣду, и тутъ, помните, Вы пришли. И вотъ, мнѣ было жаль, что Вы — какъ я подумала, узнавъ о Вашемъ отъѣздѣ — отнесли мое настроеніе къ себѣ и не повѣрили, что оно не къ Вамъ относится, хотя должны были бы знать, что я радъ Васъ видѣть ¹⁾. Что-то я запутала фразу, но суть проста и Вы поймете.

Ну, Богъ съ нимъ. Передаю Вамъ мою любовь къ Юрію Ник(андровичу) ²⁾ — впрочемъ, вѣрно и Вы его любите или навѣрное полюбите. Помогите ему получить комнату въ Вашемъ домѣ); онъ ѣдетъ на трудное житье. Надѣюсь, что Вы въ тепло. Мнѣ очень хвалили разные люди Ваши здѣсь читанные стихи.

Ю. Н. хочетъ уходить, поздно. Дружески жму Вашу руку. Не забывайте меня, напишите когда. И моя жена Вамъ кланяется. (. . .).

Вашъ

М. Гершензонъ.

¹⁾ Осенью 1921 я пробылъ недѣли двѣ въ Москвѣ и уѣхалъ экстренно, не побывавъ у М. О. вторично. Онъ подумалъ, что я на него въ обидѣ за пасмурный пріемъ.

²⁾ Ю. Н. Верховскій, поэтъ, историкъ литературы.

³⁾ Я жилъ тогда въ общежитіи «Дома Искусствъ».

IV.

Badenweiler, Pension Eckerlin. 12 Ноября 1922 г.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Наконецъ, собрался написать Вамъ. Собираюсь съ самаго прѣзда, да все недосугъ : то звонокъ къ обѣду — и табль д'отъ въ цѣлый часъ съ мертвыми антрактами, то лежать надо, въ пальто, съ открытымъ окномъ, и т. д. ; передохнуть некогда ; развѣ только газету въ день почитаешь. Не шутя говорю : очень скучно, а свободнаго часа нѣтъ. Я ужь такъ и отдался : лечиться такъ лечиться. Показывался я медицинѣ и въ Берлинѣ, и здѣсь : говорятъ, процессъ въ легкомъ и большое истощеніе, слѣдовательно много ѣсть, быть на воздухѣ, лежать и ничего не трудиться. Мы здѣсь, кажется, уже немного поправились. Пансіонъ изрядный, кормятъ хорошо, и сравнительно не дорого.

Напишите мнѣ побольше о себѣ, во всёхъ возможныхъ отношеніяхъ. Я очень жалѣю, что не видѣлъ Васъ въ Берлинѣ. Не полѣнитесь писать долго. Напишите о себѣ прежде всего, потомъ напишите мнѣ поименно, какъ живутъ и чувствуютъ себя : 1) Ремизовы, 2) Б. Н. ¹⁾, 3) Бердяевы, 4) Франкъ, и другіе новоприбывшіе. Еще о Степунѣ, гдѣ онъ ; ежели во Фрейбургѣ, какъ предполагалъ, то узнайте его адресъ, — это здѣсь близко, и съ нимъ увижусь. Еще у меня просьба къ Вамъ : такъ какъ здѣсь очень скучно, и главное, нѣтъ книгъ, то скажите русскимъ редакторамъ и издателямъ, что такъ и такъ, тамъ то живетъ П. И. Бобчинскій, такъ чтобы прислали мнѣ свои изданія. Серьезно : попросите А. С. Яценко прислать мнѣ послѣдній № Н.(овой) Рус.(ской) Книжки съ наложеннымъ платежомъ, и « Геликонъ », который издаетъ мои книги, — его изданія безъ всякаго платежа. И вообще, кому не лѣнь, пусть присылаетъ свои книги, а я ихъ буду читать и, можетъ быть, не совсѣмъ поглуплю, къ чему имѣю теперь наилучшую возможность. Напишите-же. М.(арія) Б.(орисовна) шлетъ Вамъ привѣтъ, а я дружески жму Васъ

и остаюсь весь вашъ

М. Гершензонъ.

¹⁾ Б. Н. Бугаевъ (Андрей Бѣлый).

V.

Баденвейлеръ, Pension Eckerlin, 26 Ноября 1922 г.

Многоуважаемый Владиславъ Фелициановичъ,

Спасибо за дружеское письмо и за старанія. Разумѣется, ни «Дней» Осоргинъ не присылаетъ, ни Вишнякъ¹⁾ своихъ книгъ — ни даже моихъ; но это уже не Ваша вина, а Россіи. Зато получаю «Руль», и въ своемъ родѣ наслаждаюсь, хорошо *всѣмъ* явленіе, когда оно носитъ въ себѣ полноту своей сущности. «Руль» и «Vossische Zeitung»; это мнѣ тоже для поправки, какъ часъ лежанія послѣ обѣда и т. п.; это не врачъ, это я самъ, но въ духѣ его предписаній предписалъ себѣ. За мѣсяць я такъ преуспѣлъ, что у меня въ головѣ ни одной путной мысли не было и нѣтъ. А чувство Россіи у меня вотъ какое: какъ если кто, спасшись отъ кораблекрушенія, уже согрѣвшись и насытившись, сидитъ въ безопасности, и слышитъ вдали грозный шумъ все еще бурного далекаго моря, — такъ и я помню Москву и думаю о тѣхъ, кто и теперь еще тамъ, на морѣ. Есть ли у васъ это чувство? У меня собственно два чувства: одно касается безпримѣрно-великаго дѣла нашихъ дней, — я не о немъ здѣсь говорю; другое — личное, которымъ я и боленъ. Когда растение растетъ, можетъ быть каждому волокну больно вытягиваться; такъ и мы теперь. Я чудовищно-много выросъ въ эти годы; теперь пересадилъ себя съ открытаго воздуха въ комнату, чтобы въ которое время отдохнуть отъ роста; и вотъ, дѣйствительно, глуплю. «Руль» — какъ потолок²⁾ и «Vossische Zeitung» — какъ стѣны. Но все еще слышу шумъ моря; черезъ мѣсяць — другой можетъ быть и это пройдетъ.

Напишите еще о себѣ, какъ спасаетесь³⁾ *въ Саратовѣ* 4). Если Борисъ Николаевичъ⁵⁾ съ вами, передайте ему мой сердечный привѣтъ. Мнѣ было бы любопытно знать, читаете ли вы

1) Абрамъ Григорьевичъ, завѣд. берлинскимъ издательствомъ «Геликонъ», тогда только что переиздавшимъ книги М. О.: «Грибоѣдовская Москва» и «Денабристъ Кривцовъ».

2) Сперва написано: «кры», но зачеркнуто.

3) Надписано надъ зачеркнутымъ: «живете».

4) Я жилъ тогда въ полутора часахъ ѣзды отъ Берлина, въ Saarow'ѣ.

5) Андрей Бѣлый.

по-нѣмца. Среди пишущихъ нѣмцевъ есть теперь очень интересные ; точно проснулись и съ удивленіемъ смотрятъ вокругъ себя. Такіе же есть и во Франціи. Я недавно въ Москвѣ прочиталъ кое-что изъ Вильдрака : совсѣмъ живой, и притомъ очень даровитъ, такъ что я раскрылъ глаза.

Няну Николаевну ¹⁾ очень благодарю за привѣтъ.(....).
Пишите же.

Будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ дружески.

Вашъ

М. Гершензонъ.

VI.

Баденвейлеръ, 27 Января 1923 г. Pension Eckerlin.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

(Очень длинно ! послѣ « милый » даже неловко выходить).
Получилъ сегодня вашу книжку, обрадовался ей какъ родному человѣку, сразу, тотчасъ всю прочиталъ. Не могу выразить, до чего все ваше мнѣ близко, хотя я совсѣмъ не такой : иначе, какъ-то отчетливѣй, тверже чувствую « совсѣмъ иное бытіе », скорѣе тѣлесно, чѣмъ музыкально, какъ вы. И потомъ, главное, какъ это сказано ! А больше всѣхъ мнѣ понравилось исканіе пенснэ или ключей, — до восторга. Серьезно, это по моему лучшее въ книжкѣ.

Я не писалъ вамъ столько времени, потому что не зналъ, гдѣ вы ; не думалъ, что вы все еще въ Саровѣ. Потомъ у насъ дочка была больна, мокрымъ плевритомъ ; пролежала мѣсяць. Это все еще русское наслѣдство. И я никакъ не поправляюсь ; въ легкихъ не лучше, тотъ же кашель, та же слабость. Докторъ говорить, что мнѣ нужно годъ прожить въ теплѣ и бездѣйствіи, а я едва растаю свои деньги до апрѣля, въ апрѣлѣ надо возвращаться. Разуѣтсѣя, ничего не пишу, только читаю. Вишнякъ прислалъ мнѣ книги, спасибо. Въ общемъ, нѣмецкая литература теперь много интереснѣе русской. Я не встрѣтилъ ни одного замѣчательнаго произведенія, но прочиталъ много замѣчательныхъ страницъ.

¹⁾ Берберову.

Напишите о себѣ, какъ живете, чѣмъ заняты, долго ли пробудете въ Саровѣ. Я очень соскучился о людяхъ, охотно съѣздить бы на недѣлю въ Берлинъ. Здѣсь вторую недѣлю лежитъ снѣгъ, и холодно; сегодня начало таять.

Еще разъ, спасибо вамъ за радость вашихъ грустныхъ стиховъ. Они, правда, очень грустны.

Обнимаю васъ, и остаюсь

любящій васъ

М. Гершензонъ.

VII. 1)

Баденвейлеръ, 27 Февраля 1923 г. Pension Eckerlin.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Вы обо мнѣ такъ думаете, что я даже обидѣлся; точно я жадевь до денегъ, все больше о гонорарѣ пишете. Это Вы ошибаетесь; а заплатятъ побольше, я буду радъ.

Конечно, я охотно буду участвовать въ вашемъ журналѣ, ежели только будетъ чѣмъ. Все неизданное, что у меня было, я продалъ еще въ Россіи, чтобы ѣхать сюда, а здѣсь ничего не писалъ: плохо себя чувствую. У Бѣлицкаго ²⁾ есть моя книга «Пальмира», въ ней нѣсколько статей, не бывшихъ въ печати. Изъ нихъ онь двѣ маленькихъ напечатали въ «Современныхъ Запискахъ». Если хотите, возьмите изъ остальныхъ статью «Освобожденіе труда». Она не легка, но мысль въ ней новая и остра. Размѣромъ она страницъ въ 20, я думаю. У меня здѣсь есть копія, — ее прислалъ мнѣ Бѣлицкій предъ отъѣздомъ въ Россію, но, какъ и подобаетъ ему, — безъ конца, безъ 1 или 2 страницъ. Можетъ быть конецъ копіи, начиная со стр. 21-й, лежитъ въ берлинской «Эпохѣ». Такъ какъ Вашъ журналъ издаетъ «Эпоха», а книгу всю оплатилъ мнѣ еще лѣтомъ въ Россіи Ефимъ Яковлевичъ, то «Бесѣда» можетъ не платить мнѣ за эту статью. Итакъ, если хотите, пришлю Вамъ копію, а Вы, прочитавъ, рѣшите; я же не обижусь, если не напечатаете. Но историко-литературнаго не общаю; это у меня позади.

1) Это письмо — отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ журналѣ «Бесѣда», посланное одновременно Андреемъ Бѣлымъ и мною.

2) Ефимъ Яковлевичъ; Гершензонъ думалъ, что онь состоитъ пайщикомъ изд-ва «Эпоха».

Вы ничего не написали о себѣ. Видно, прочно осѣли въ Саратовѣ. Б. Н-чу ¹⁾ напишу отдѣльно ; сколько я понимаю, онъ былъ у Васъ только на время. Мы къ 1 мая собираемся назадъ ; и то едва пятаю денежно. А здоровьемъ я мало поправился.

Вашу книжку я съ тѣхъ поръ много разъ доставалъ съ полки и все перечитывалъ. Еще лучше было бы, если бы была *одна* книжка *со всеми* Вашими стихами.

Будьте здоровы и беззаботны. Дружески жму Вашу руку

и остаюсь Вашъ

М. Гершензонъ.

VIII. ²⁾

Баденвейлеръ, 21 Марта 1923 г.

Милый Владиславъ Фелицановичъ,

Разъ нѣтъ конца, копію моей статьи нѣтъ смысла посылать. Политики въ ней нѣтъ, а есть психологія : вопросъ о душѣ трудящагося. Пришлите мнѣ « Бесѣду » ; читать-то вѣдь нечего, а по заглавіямъ заманчиво. Я такъ отрѣзанъ здѣсь отъ всего литературнаго, что съ трудомъ вѣрится, что когда-то писалъ, печаталъ. Можетъ, оттого и не пишется. Но это ничего, даже полезно ; я теперь на весь міръ идей и системъ смотрю « какъ души смотреть съ высоты на ими брошенное тѣло ». Мнѣ врачъ рѣшительно не совѣтуетъ ѣхать по крайней мѣрѣ раньше теплаго времени, такъ что мы отложили отъѣздъ до половины мая. Въ Берлинѣ, надѣюсь, непременно увидимся. Мнѣ придется заранѣе одному пріѣхать хлопотать объ отъѣздѣ.

Желаю Вамъ благоденствія и успѣховъ.

Вашъ

М. Гершензонъ.

¹⁾ Андрею Бѣлому.

²⁾ Открытка.

IX.

Баденвейлеръ, 17 Апрѣля 1923 г. Pension Eckerlin.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Намъ нужно около 1 мая переѣхать въ Берлинъ, чтобы доставать визы на обратную дорогу. Это займетъ вѣроятно двѣ недѣли. Не знаете ли, гдѣ бы намъ можно было такъ прожить эти 2 недѣли? Нужны 2 комнаты съ четырьмя кроватями, лучше съ вѣдою, но можно и безъ нея. Ежели знаете что-нибудь, напишите пожалуйста. Еще напишите, какъ быть съ правомъ жительства; у меня есть разрѣшеніе только баденское, т. е. въ предѣлахъ Бадена; а въ Берлинѣ какъ доставать? Буду очень благодаренъ за отвѣтъ.

Вашъ

М. Гершензонъ.

X¹⁾.

Баденвейлеръ, 24 Апрѣля 1923 г.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ,

Напишите такъ: *Въ трудные дни* я не знаю большей радости, какъ читать Пушкина и дѣлать въ немъ маленькія открытія » ²⁾; и подпишите буквами или полнымъ именемъ, — какъ хотите. Вѣроятно такъ и сдѣлаемъ по Вашему совѣту — уѣдемъ отсюда позже, числа 5-7, а въ Берлинѣ останемся меньше. По приѣздѣ напишу Вамъ оттуда. Что Вы объ «автореминисценціяхъ» пишете? Ихъ всего больше въ черновикахъ. Большой матеріалъ собранъ въ моемъ «Гольфстремѣ».

Будьте здоровы и бодры. Жму Вашу руку.

Вашъ

М. Гершензонъ.

1) Открытка.

2) Собираясь печатать свою работу «Поэтическое хозяйство Пушкина», я написалъ М. О-чу, прося разрѣшенія поставить эпиграфомъ двѣ строки изъ его давнишняго письма (еще 1915 г.): «Я не знаю большей радости»... и т. д. Это — отвѣтъ на мою просьбу.

XI.

Воробьевы Горы, 17 Августа 1924г.

Потому что я въ санаторіи и у меня кончилась почтовая бумага, чтобы не откладывать надолго, вырвалъ листокъ изъ тетради, и вы не взыщите. Спасибо за письмо ; оно мнѣ очень пріятно. Почему Нина Николаевна не приписала ? А я думалъ, что мы съ ней подружились. Я не писалъ вамъ, потому что вы не отвѣтили на мое письмо ¹⁾, и затѣмъ уже я не зналъ гдѣ вы.

Мнѣ завидно было читать ваше письмо : въ самыхъ вашихъ кочевкахъ — сколько молодости еще ! и сколько впечатлѣній ! Нѣтъ, вы не плохо жили, зачѣмъ роптать ! А въ Ирландію мнѣ когда-то особенно хотѣлось ; тамъ провелъ вторую половину своей жизни Печеринъ, тамъ, въ такомъ же сельскомъ помѣстьи, совершился въ немъ переломъ — послѣ многихъ лѣтъ снова вспомнилъ Россію и душою окончательно вернулся къ ней : тамъ такая же молодая русская, вышедшая замужъ за ирландца, — все, какъ у васъ — цѣла ему русскіе романсы и пѣсни, и разбудила его отъ католическаго сна. — Ваши стихи ²⁾ очень хороши, и вы понимаете, какъ близки мнѣ ; стихъ : « Претить отъ истинъ и красотъ » я могъ бы взять эпиграфомъ къ своимъ письмамъ « изъ двухъ угловъ ».

Я не могу въ отвѣтъ на вашъ рассказъ написать вамъ, какъ жилъ этотъ годъ. Все время было трудно ; я ничего не писалъ, хворалъ, съ трудомъ зарабатывалъ мало денегъ. Зимой, если будете въ Парижѣ, увидите W, онъ расскажетъ вамъ о насъ, а въ письмѣ ничего не расскажешь. Вотъ расскажу вамъ лучше о немъ и другихъ друзьяхъ. Онъ прѣѣхалъ (. . .) Бор. Ник. ³⁾ за зиму почти совсѣмъ не видалъ ; теперь онъ въ Коктебелѣ у Волошина ; онъ за этотъ годъ тоже ничего не написалъ, только передѣлалъ свой « Петербургъ » въ пьесу. Цяловскій съ осени былъ безъ службы, очень нуждался, зато теперь на годъ очень обезпеченъ легкимъ редактированіемъ соч. Л. Толстого для Гос. (ударственнаго) Изд. (ательства) по печатнымъ текстамъ. X. весь годъ не имѣлъ ни копейки заработка, но какъ-то живетъ, чудесами.

¹⁾ Въ началѣ 1924 г. я написалъ Гершензону, но не получилъ отвѣта: очевидно, и онъ мнѣ написалъ, но его письмо пропало.

²⁾ Я послалъ ему стихотвореніе «Хранилище».

³⁾ Андрей Бѣлый.

Вашу книжку ¹⁾ я прочиталъ здѣсь въ санаторіи, случайно найди ея у сосѣда. Изданіе конечно небрежное, но не стоитъ огорчаться. А если ужъ очень вамъ непріятно, пошлите нѣсколько строкъ объясненія В. Л. Модзалевскому въ Пушк. Домъ для напечатанія въ «Атенѣ» (новый журналъ по ист. нов. рус. лит., очень приличный). Мнѣ изъ неизвѣстнаго раньше очень понравилось ваше открытіе: «Куда же ты? — Въ Москву»... — Это я считаю несомнѣннымъ ²⁾. Насчетъ Русалки иначе ³⁾. У меня двойное чувство: по общему чувству ваша догадка мнѣ кажется вѣроятной, по размышленію нахожу ее ни на чемъ не основанной. Даже если вы правы насчетъ раскаянія Пушкина, — не обязательно, что та дѣвушка именно утопилась: она могла и вовсе не покончить съ собою, и все же П. могъ съ нея писать Русалку. Притомъ и вашъ анализъ фактовъ кажется мнѣ не совсемъ вѣрнымъ: мнѣ кажется неяснымъ многое, что вы излагаете какъ факты. Я вижу вотъ что: 1) П. пишетъ Вяземскому, что письмо передать ему сама дѣвушка: письмо передаетъ не она, а «человѣкъ» Пушкина. Кто этотъ «человѣкъ»? Очевидно онъ вѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нею. П. говорить, что этого человѣка онъ прогналъ отъ себя за дерзости и пр. Вы не обинуясь говорите: этотъ «человѣкъ» — отецъ дѣвушки. — Этого я отнюдь не вижу. Это былъ просто дворовый, прогнанный, посылаемый на оброкъ въ Москву или высылаемый въ Болдино. 2) Пушкинъ, оказывается, вовсе не зналъ 1) что дѣвушка ѣдетъ въ Москву со ⁴⁾ (съ отцомъ и) всемъ семействомъ, 2) ни того, что отецъ ея назначенъ С. (ергѣемъ) Л (звоничемъ) приказчикомъ въ Болдино. Необычайно странно, не такъ-ли? Одно то, что С. Л. изъ Петерб. сдѣлалъ это распоряженіе, — распоряженіе о михайловскомъ мужикѣ, неизвѣстное однако въ Михайловскомъ. Ужъ не жилъ ли этотъ отецъ и до исторіи въ Болдинѣ, а дѣвушка съ сестрами какъ-разъ вѣхала къ нему? Во всякомъ случаѣ этотъ отецъ и тотъ прогнанный дворовый конечно — не одно лицо; прогнаннаго двороваго не назначаютъ приказчикомъ въ другое имѣніе. И т. д., словомъ,

¹⁾ «Поэтическое хозяйство Пушкина». Издана въ безобразно урѣзанномъ и несовершенномъ видѣ.

²⁾ Я доказывалъ, что стихотвореніе «Куда же ты? — Въ Москву», которое во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина печатается, какъ самостоятельная пьеса, въ дѣйствительности есть конецъ стихотворенія «Румяный критикъ мой», которое всѣ редакторы печатали безъ окончанія.

³⁾ Статьи о «Русалкѣ» — въ XX кн. «Современныхъ Записокъ»

⁴⁾ «Со» — вписано надъ строкой.

цѣлый клубокъ неясностей. Я такъ и думаю : отецъ живетъ въ Болдинѣ, какъ-разъ назначается приказчикомъ тамъ, въ это время дѣвушка съ прогн.(анвымъ) дворовымъ прѣзжаетъ въ Москву, дворовый являясь къ Вяземскому, передаетъ ему письмо П - а и рассказываетъ со словъ Пушкинскихъ людей, живущихъ въ Москвѣ, новости о пушкинскихъ имѣньяхъ, о томъ, что такая - то (именно дѣвица Пушкинская) ѣдетъ въ Болдино, что ея отецъ назначенъ приказчикомъ и т. д. — А потому, спустя 7 - 8 лѣтъ, та дѣвушка можетъ быть давно замужемъ или умерла ¹⁾ ея ребенокъ, если родился, могъ давно умереть, и т. д. — и Пушкинъ могъ и не вспомнить о ней, когда мечталъ поселиться съ женой въ Болдинѣ ; представьте себѣ только — что очень вѣроятно, особенно при тогдашнихъ нравахъ, — представьте себѣ, что П. очень легко относился къ этой своей — къ одной изъ своихъ крѣпостныхъ связей ; тонъ его письма къ В(яземскому) вѣдь именно таковъ. Т. е. проверьте все ваше сужденіе на его противоположность.

Но, повторяю, можетъ быть вы въ основномъ, въ догадкѣ, и правы. Во всякомъ случаѣ очень хорошо, что вы — первый — привлекли Елицу. А чувственная любовь къ мертвой, если бы вы оказались правы — да, это былъ бы номеръ не шуточный въ Пушкинѣ. Я, разбирая его мысли о загробной жизни (въ статьѣ «Тѣнь» Пушкина), этого не видѣлъ, и теперь не вижу, т. е. съ той конкретностью, какъ у васъ.

Будьте здоровы прежде всего, — оба. Мой дружескій привѣтъ Нинѣ Никол. Я въ санаторіи на мѣсяць, до 1 Сент.

Вагъ

М. Гершензонъ.

ХІІ.

Москва, 23 Октября 1924 г.

Милый Владиславъ Фелиціановичъ, и Вы, Нина Николаевна, здравствуйте ! Ваше письмо давно получено. Я не успѣлъ отвѣтить : уѣхалъ въ Крымъ, въ санаторіи Кубу, откуда вернулся только на дняхъ. За этотъ мѣсяць тамъ больше хворалъ, повредилъ себѣ съ перваго дня солнечными ваннами, — произошло

¹⁾ «Или умерла» вписано карандашомъ надъ строкой.

обостреніе въ легкихъ, двѣ недѣли держалась температура. Теперь обошлось, но здѣсь засталъ глубокую осень — холодъ, и сыякота, и это низкое сѣрое небо, которое вы знаете.

Не знаю, гдѣ вы теперь. Надѣюсь, что вамъ письмо перешлютъ ; вы тогда напишите вашъ адресъ. Почти въ одинъ день съ Вашимъ письмомъ пришла изъ Петербурга Ваша книжка. (...) Спасибо. Я Вамъ въ томъ письмѣ писалъ глупости, по памяти ; потомъ прочелъ тѣ мѣста. Въ общемъ я остаюсь при своемъ ; « человекъ » — не отецъ, вообще въ истолкованіи фактовъ Вы не правы, а общая ваша догадка правдоподобна. Цыгановскаго еще не видѣлъ ; онъ, слышу, лежитъ съ плевритомъ, а я пока не выхожу изъ за дурной погоды.

Сижу дома, хожу по комнатамъ, читаю, — сегодня читалъ Ваше « Путемъ зерна ». Ничего не пишу, уже давно ; все равно печатать ничего нельзя. Работы денежной нѣтъ и не могу найти ; я бы взялъ, кажется, любой заказъ. Жить нечѣмъ, а еще долги моего лѣтняго леченія. Но и кромѣ того — очень, очень трудно. Что Брюсовъ умеръ, вы вѣрно знаете. Хоронили его, говорятъ, холодно и натянуто. Здѣсь В.; семья в П(е)т(ер)б.(ургѣ), а онъ здѣсь, въ надеждѣ на заработки, и живетъ у М. Подрядился для Госиздата сдѣлать 1-томнаго Пушкина, безъ рукописей ; часто бываетъ у меня, за Пушкина не принимается и, я думаю, не сдѣлаетъ его. Вяч.(еславъ) Ив.(ановъ) съ дѣтьми въ Римѣ ; если вы въ Италіи, вѣрно увидите.

Мои письма неизбѣжно безсодержательны, но вы пишете пожалуйста, у васъ много впечатлѣній въ вашихъ странствіяхъ и душа свѣжѣе. (...).

Любящій васъ

М. Гершензонъ.